

Этнографическое обозрение

1902 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Э91

Э91 Этнографическое обозрение: 1902 3 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 189 с.

ISBN 978-5-517-93015-6

Издание Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1902 года

ISBN 978-5-517-93015-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Гагаузы Бендерскаго уѣзда.

(Этнографическіе очерки и матеріалы *).

XI **)

Смерть, представленіе о загробной жизни и похоронные обычаи.

Душа, по мнѣнію гагаузовъ, находится у человѣка въ сердцѣ; вылетая изъ тѣла, она принимаетъ видъ бабочки, называемой „Джан бѣджа“ (Махаонъ) ¹⁾.

Смерть представляется гагаузу въ видѣ живого существа: она называется „Джан-алыджи“ (Душу берущій). Роль этого духа съ принятіемъ христіанства перешла къ Михаилу Архангелу, который, вынимая у человѣка душу, наступаетъ на него правою ногой.

Первые три дня послѣ смерти душа человѣческая остается въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, а когда несуть хоронить, то идетъ перелѣ гробомъ и указываетъ дорогу. Послѣ похоронъ она возвращается домой и только на четвертый день уходитъ оттуда къ Богу. Тамъ она „замада гезеер“ (т.-е. проходитъ рогатки, разные препятствія, которыя поставляются ей на пути) до 9-го дня ^{1а)}. Отъ 9-го до 20-го всѣ души пребываютъ въ раю, а отъ 20-го до 40-го—въ аду. Послѣ 40-го дня душа выходитъ изъ ада; тамъ остаются души только явныхъ грѣшниковъ. Впрочемъ, всѣ эти

*) Помѣщая продолженіе этихъ очерковъ, напечатанныхъ ранѣе въ „Этн. Обзор.“ кн. 44, 48, 49 и 51, редація для удобства оставляетъ общее ихъ заглавіе „Гагаузы Бендерскаго уѣзда“, хотя отдѣльныя главы могли бы составить и совершенно отдѣльные, законченные по содержанію очерки. Ред.

**) См. „Этн. Обзор.“ кн. 51.

странствованія не мѣшаютъ душѣ возвращаться домой до 40-го дня и только съ этого дня она уже болѣе не возвращается³⁾.

Но такой путь проходить душа только у человѣка, умершаго своей смертью, если же онъ утонулъ или покончилъ жизнь самоубійствомъ, тогда она идетъ прямо въ адъ (къ шейтану).

Адъ находится подъ землей. Дымъ вѣчно застилаетъ тамъ воздухъ, такъ что видѣть ничего нельзя, можно только слышать. Въ аду живутъ черти и самый главный изъ нихъ Юда, который прикованъ Богомъ на 1000 лѣтъ; у него самые большіе рога и изо рта вѣчно выходитъ пламя. На дверяхъ ада повѣшена таблица, на которой для каждой души записаны всѣ ея грѣхи. Св. Апостолъ Петръ, у котораго находятся ключи отъ рая, каждую субботу подходитъ къ дверямъ ада и прочитываетъ списокъ грѣховъ. Если за кого-либо изъ грѣшниковъ, томящихся въ аду, одинъ изъ живыхъ людей подастъ въ субботу бѣдному человѣку хлѣба, то одинъ грѣхъ его вычеркивается изъ таблицы. Если со временемъ всѣ грѣхи покойника будутъ такимъ образомъ вычеркнуты, то онъ перейдетъ изъ ада въ рай. Говорятъ, впрочемъ, что адъ въ настоящее время переполненъ грѣшниками и что тамъ нѣтъ болѣе мѣста для новыхъ, а потому души грѣшниковъ, по недостатку мѣста, ходятъ себѣ на свободѣ въ ожиданіи Страшнаго Суда.

О мѣстѣ, гдѣ находится рай, одни говорили, что онъ не на небѣ и не на землѣ, но будетъ впослѣдствіи на землѣ. Другіе, — что онъ находится на землѣ, на югѣ, но что на небѣ приготовляется новый рай, который будетъ украшенъ самыми лучшими драгоценными камнями (какъ-то: „Джяфаир таши“, „Маргарит таши“, „Пак кристал“ и др.). Въ рай ведутъ трое дверей, отъ которыхъ ключи находятся у Св. Петра. Одна, отпираемая золотымъ ключомъ, назначается для царей, другая — желѣзнымъ, для бояръ и людей богатыхъ, и третья — деревяннымъ, — для бѣдняковъ.

Окончательное распредѣленіе душъ человѣческихъ между раемъ и адомъ наступитъ только послѣ Страшнаго Суда („Сон шараатта“), который послѣдуетъ черезъ 105 лѣтъ, такъ какъ Іисусъ Христосъ опредѣлилъ стоять міру ровно 2000 лѣтъ. Къ тому времени всѣ люди помрутъ. Богъ соберетъ ихъ души въ Іерусалимъ и будетъ судить. Судъ будетъ производиться при помощи вѣсовъ, на одну чашку которыхъ будетъ положена душа человѣка и зернышко проса, а за другую будетъ тянуть шейтанъ. Если послѣдній пе-

ретьянетъ вѣсы на свою сторону, то душа поидеть въ адъ, если же не перетьянетъ, то—въ рай.

Послѣ Страшнаго Суда праведныя души будутъ жить въ раю и наслаждаться блаженствомъ, а грѣшныя—мучиться въ котлахъ съ кипящею смолой: кто—до колѣна, кто—до пояса, кто—до горла, кто—совсѣмъ съ головой, смотря по количеству грѣховъ. Тогда же Хрестосъ опредѣлитъ срокъ для новаго Страшнаго Суда. Но все-таки когда-нибудь придетъ конецъ свѣта, всѣ души помрутъ, а на землѣ вмѣсто насъ будутъ жить такіе маленькіе человечки, которые вдесятеромъ будутъ поднимать одно куриное яйцо.

Если человѣкъ умереть съ открытыми глазами, то говорятъ, что онъ хотѣлъ еще пожить на свѣтѣ и что унесетъ съ собой кого-нибудь изъ родственниковъ, если же—съ закрытыми, то уже достаточно пожилъ и болѣе жить не хотѣлъ³⁾.

Если кто сильно боленъ, то передъ иконами зажигаютъ свѣчи на случай его кончины. Когда родственники умирающаго замѣтятъ, что кончина близка, то зажигаютъ восковую свѣчу и даютъ ему въ руку⁴⁾. Всѣ молятся при этомъ, чтобы Богъ простилъ его, чтобы онъ умеръ безъ мученій⁵⁾. Молитвъ никакихъ не читаютъ, а просто крестятся. Если ранѣе кто-нибудь въ домѣ умеръ безъ свѣчи, то умирающій держитъ свѣчу за предшествовавшаго ему покойника, а за него самого держитъ кто-нибудь изъ присутствующихъ.

Когда смерть человѣка уже констатирована, то всѣ родственники его, мужчины и женщины, начинаютъ громко рыдать и причитать до полной усталости, а потомъ возобновляютъ причитанія всякій разъ, когда войдетъ въ домъ кто-нибудь посторонній⁶⁾. Если нужно бываетъ извѣстить о смерти родственниковъ покойнаго, живущихъ въ другомъ селѣ, то думаютъ, что лошади, везущей эту вѣсть, бываетъ очень тяжело, а потому для облегченія ея посланному даютъ въ карманъ мѣрку съ роста покойнаго. Эта мѣрка облегчаетъ и того, кто везетъ печальную вѣсть, и его коня. Ее кладутъ потомъ въ гробъ вмѣстѣ съ покойникомъ.

Умершаго относятъ прежде всего въ „дам“ (хлѣвъ), сажаютъ⁷⁾ на доску и обливаютъ: мужчину—старикъ, женщину—старуха, а ребенка, хотя бы и мальчика,—тоже старуха⁸⁾. Если въ это время придетъ кто-нибудь въ „дам“, то берутъ кусочекъ „питты“

(опрѣснока) и угощаютъ пришедшаго. Хлѣбъ этотъ готовятъ нарочно по этому случаю и называютъ—„джян питасы“ (хлѣбъ души). Говорятъ, что такое угощеніе дѣлается для того, чтобы въ послѣдній разъ исполнить за покойника долгъ гостепріимства.

Затѣмъ одѣваютъ покойника во все чистое и новое⁹⁾ и кладутъ на „долму“ (глиняную лавку)¹⁰⁾ въ „кухнѣ“, стараясь направить ногами на востокъ¹¹⁾.

Гробъ дѣлаетъ кто-нибудь изъ родственниковъ или знакомыхъ покойнаго, знающихъ столярное ремесло, и непременно даромъ¹²⁾, потому что считается весьма богоугоднымъ дѣломъ соорудить челоуѣку, какъ выражаются гагаузы, домъ¹³⁾. Гробъ („табут“) готовится исключительно сосновый, формы нѣсколько отличной отъ нашего, съ вертикальными боковыми стѣнками, съ плоскимъ дномъ и крышкой и очень просторный (фиг. 1 № 22)^{13а)}. У бѣдныхъ онъ не красится и никакихъ крестовъ и украшеній на немъ не дѣлается. У богатыхъ же красится иногда красной клеевой краской, да, кромѣ того, противъ головы, живота, ногъ и на бокахъ наклеиваются кресты изъ синей бумаги. Стружки отъ гроба тщательно собираются и сохраняются въ такомъ мѣстѣ, гдѣ народъ не ходитъ¹⁴⁾.

Когда гробъ готовъ, то приносятъ его въ домъ умершаго, ставятъ посреди комнаты, накрываютъ крышкой и обѣдаютъ на немъ, послѣ чего кладутъ въ него покойника¹⁵⁾. вмѣстѣ съ нимъ кладутъ и ту мѣрку (камышевую)¹⁶⁾, по которой гробъ дѣлался. Если мужъ и жена помрутъ одновременно, то ихъ кладутъ въ одинъ гробъ. Прежде чѣмъ положить покойника, въ гробъ кладутъ подушку, набитую „феслиномъ“¹⁷⁾. Это растеніе разводится у каждаго въ саду; букетикъ его обязательно долженъ принести съ собою каждый изъ родственниковъ покойнаго, пришедшій его навѣстить. Поверхъ подушки настилаютъ „палу“ (грубый коверъ) и на нее уже укладываютъ покойника. Руки складываютъ на животъ, кисть на кисть, правую сверху¹⁸⁾. Въ руки покойному вставляютъ восковую свѣчу, которая горитъ во все время, пока онъ въ домѣ.

Костюмъ покойника—обыкновенный современный, только на ноги надѣваются чулки и кожаные башмаки безъ каблучковъ. На голову мужчины надѣвается барашковая шапка¹⁹⁾. На шапку хо-

лостого парня навѣшиваются тѣ „китки“ (гарусныя кисточки), которыя онѣ получалъ отъ своей возлюбленной дѣвушки.

Возлѣ тѣла ставится большой церковный подсвѣчникъ, въ который втыкаются восковыя свѣчи, приносимыя всѣми навѣщающими умершаго. Если покойникъ уже положенъ въ гробъ, то свѣчи эти прилѣпляются, кромѣ того, и къ краямъ гроба ²⁰).

Въ ногахъ покойнаго ставится тарелочка, на которую уложена спиралью такъ называемая „бой муму“, т.-е. восковая свѣча, приготовленная въ ростъ покойника. Она горитъ во все время, пока покойникъ въ домѣ, а когда похоронять, то зажигается ежедневно по вечерамъ вплоть до 40-го дня.

У молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ волосы заплетаются въ двѣ косы и кладутся по плечамъ. На голову и на грудь прикалываются искусственные или живые цвѣты.

Въ головахъ покойника становится тикъ называемый „дал“, т.-е. маленькое деревцо,—преимущественно изъ фруктовыхъ: яблоня, груша или слива, вырытое съ корнемъ, на которое вѣшаются бублики („коврик“), покупные пряники въ видѣ кольца („пѣтичка“), конфеты, яблоки, нитки изюма и полный костюмъ покойника, а также прилѣпляются зажженные восковыя свѣчи ²¹). У молодой женщины, на похоронахъ которой мнѣ случилось быть, изъ платья ея на „далъ“ висѣли: юбка, кофта, чемберъ, башмаки и полотенце („пешкир“), а у мальчика, вмѣсто всего костюма, былъ повѣшенъ только платокъ, предназначавшійся для того, кто понесетъ „дал“ на кладбище.

На домѣ, гдѣ есть покойникъ, на столбы, поддерживающіе крышу, на концы балокъ, проходящихъ сквозъ стѣны дома наружу, или на стрѣху привѣшивается полотенце или платокъ, который остается висѣть до 40-го дня ²²). Каждый вечеръ платокъ этотъ зачѣмъ-то обливають водой изъ ведра и обкуриваютъ ладаномъ.

Всѣ пришедшіе въ домъ навѣстить покойника, вмѣсто обычнаго привѣтствія говорятъ хозяевамъ: „Бо да прости“, а при прощаніи: „проститъ Аллахымъ гунахларна“ (прости Боже его грѣхи) ²³). Ему даютъ ручную кадильничку покадить надъ покойникомъ, а потомъ хозяинъ подноситъ рюмку водки и угощаетъ вмѣсто закуски пшеничной кутьей („кóлева“), которая наложена на тарелочкѣ. Посрединѣ тарелки укладывается крестъ изъ

чернаго или желтаго изюму и втыкается зажженная восковая свѣча ²⁴⁾.

Во время пребыванія покойника въ домѣ никто надъ нимъ ничего не читаетъ по той простой причинѣ, что читать некому. Однако при тѣлѣ покойнаго постоянно сидятъ молча нѣсколько человѣкъ, а по ночамъ его караулятъ мужчины ²⁵⁾.

Отпѣваніе совершается обыкновенно на дому, въ церковь покойника не носятъ. Приходитъ священникъ съ причетникомъ и служатъ панихиду. Ко времени отпѣванія заготавливается въ домѣ 9 „колачей“ („ѣл колач“—дорожный колачъ) и 7 „капити“, т.-е. треугольных колачей. Въ каждый колачъ втыкаютъ по мелкой монетѣ. „Дорожные колачи“ дѣлаются такой формы: δ и навязываются на шнурокъ, какъ баранки. По окончаніи погребенія 8 колачей раздаются присутствующимъ, шнурокъ отъ нихъ привязывается на могильный памятникъ, а девятый оставляется для себя. Печенья эти во время отпѣванія кладутся въ сито и накрываются полотенцемъ. Когда священникъ кадитъ надъ покойникомъ, то ближайшіе родственники берутъ сито съ колачами и тарелку съ кутьей и поднимаютъ три раза вверхъ надъ покойникомъ, при чемъ всѣ присутствующіе стараются подержаться за эту пищу хотя бы однимъ пальцемъ ^{25a)}. Когда священникъ читаетъ Евангеліе, то всѣ присутствующіе, смотря по близости ихъ къ покойнику, держатъ два пальца или на его лбу, или на краю гроба.

Выносъ покойника изъ дому бываетъ или утромъ или послѣ полудня, но отнюдь не въ самый полдень ²⁶⁾. Несутъ непременно ногами впередъ ²⁷⁾ и наблюдается это во всю дорогу до самаго кладбища. Того же правила придерживаются и въ томъ случаѣ, если гробъ не несутъ, а везутъ на телѣгѣ.

Если умершій—ребенокъ или молодой человѣкъ, то его несутъ на рукахъ, если же выше 30 лѣтъ, то везутъ на лошади. На телѣгу, рядомъ съ гробомъ, кладется деревянный надгробный памятникъ изъ деревяннаго бруска, если же гробъ несутъ, то памятникъ также несутъ въ рукахъ однимъ изъ родственниковъ ^{27a)}. Кромѣ возницы, въ телѣгу, на которой везутъ покойника, дозволяется садиться только старымъ и больнымъ женщинамъ, непослѣвающимъ за другими. Гробъ везется или несутся до кладбища непременно открытымъ.

Впереди похоронной процессіи несутъ обыкновенно „шамдал“

(подсвѣчникъ со свѣчами), стоявшій при покойникѣ фонарь, крестъ и хоругвь, а рядомъ съ гробомъ „дал“ со всѣмъ, что на немъ повѣшено. На всѣ эти вещи навязываютъ по платку ²⁸⁾, какъ награду носильщикамъ. Если же несутъ двухъ покойниковъ разомъ, то всѣ платки навѣшиваются въ двойномъ количествѣ за каждого изъ покойниковъ отдѣльно. Кромѣ того, такіе же платки привязываются на лѣвую руку носильщиковъ.

При выносѣ изъ дому, гробъ на минуту ставятъ на землю, при чемъ подстилаютъ подъ него полотенце, которое называется „ѣл бези“ (дорожный холстъ) ²⁹⁾. У гагаузовъ Измаильскаго уѣзда холстъ этотъ называется „кѣпрю бези“ (мостовой холстъ). Богатые завязываютъ въ каждый изъ четырехъ угловъ полотенца по 7, 9 или 12 коп. „кѣпрю паасы“ (мостовой платы). У бѣдныхъ деньги эти не завязываются, а старшій родственникъ покойнаго кидаетъ ихъ подъ „ѣл бези“ въ количествѣ 5—10 коп. Вѣрятъ, что изъ этихъ денегъ покойнику на томъ свѣтѣ будетъ четыре мостовыхъ столба, а изъ полотенца—мостовая настилка.

Опуская гробъ на „ѣл бези“, его поворачиваютъ ногами напрямѣнно на востокъ, хотя бы направленіе это было поперекъ или даже въ противоположающую сторону пути. Опусканіе гроба на землю и подкладываніе подъ него „ѣл бези“ повторится во время пути на кладбище три раза (во имя Отца и Сына и Святаго Духа), а иногда даже и больше, но никакъ не меньше. На тѣхъ похоронахъ, которыя я видѣлъ, такихъ остановокъ было четыре: одинъ разъ при выносѣ изъ дому, другой—на улицѣ въ ожиданіи другого покойника, котораго должны были нести вмѣстѣ, третій разъ—при переходѣ по мосту черезъ рѣку и четвертый—при входѣ въ ворота кладбища ^{29a)}. Каждый разъ настилали „ѣл бези“, а, поднявши гробъ, холстъ оставляли на мѣстѣ. Подбирать его предоставляется каждому, но братъ родственнику покойнаго, человѣку, знакомому съ нимъ, или богатому, считается предосудительнымъ.

Во время остановокъ на пути гробъ окружаютъ родственники и знакомые покойнаго и причитаютъ. Запѣлки, которыхъ, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось записать, состояются экспромтомъ, но подчиняются въ своемъ складѣ одному короткому напѣву, который постоянно повторяется. Каждый куплетъ заканчивается рыданіями безъ словъ, вначалѣ искусственными и вынужденными, а

чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе прочувствованными. Причитаютъ женщины, мужчины же только плачутъ и громко вторятъ ихъ рыданіямъ. Такія причитанія и рыданія обязательны для всѣхъ присутствующихъ, не исключая и мужчинъ ³⁰).

При встрѣчѣ съ похоронной процессіей всѣ прохожіе снимаютъ шапки и говорятъ: „Аллаа рамет елесинь, топраджи йилинь олсун“ (Богъ да посѣтитъ миръ, земля да будетъ легка) ³¹).

Кладбище помѣщается на концѣ села, въ сторонѣ отъ него. Это—просто четырехугольное пространство земли, окруженное глубокимъ рвомъ и валомъ для защиты отъ скота. Впрочемъ, въ тѣхъ селахъ, гдѣ я видѣлъ кладбища, ограда эта была очень ненадежная; мѣстами во рву были обвалы, черезъ которые легко могла перейти всякая скотина. Въ этомъ отношеніи гагаузы представляютъ середину между ихъ сосѣдями молдаванами и болгарами. У молдаванъ (въ с. Мал. Кѣзели) кладбище не окружено никакой оградой и лишено всякой растительности, скотина можетъ по немъ ходить, сколько ей угодно. У болгаръ (въ с. Кирютня), напротивъ, кладбище окружено очень высокой и крѣпкой земляной оградой и потому заросло высокими густыми деревьями. На гагаузскомъ же, хотя скотина и не пасется, но все-таки, вѣроятно, по временамъ бываетъ, потому что растительность невысока и жидка. Больше всего видно касатиковъ и „катраники“ (родъ полыни). Есть акаціи, груши, яблоки и орѣховыя деревья, но все это только маленькія вѣточки или кусты.

Въ валу, окружающемъ кладбище, со стороны села, сдѣланы ворота изъ жердей, такія низенькія, что взрослому человѣку, проходя подъ ними, приходится нагибаться. На самомъ кладбищѣ помѣщается сторожка, гдѣ живетъ особый кладбищенскій сторожъ.

Могила роется глубиною въ сажень и болѣе, въ головахъ шире, чѣмъ у ногъ. Участвовать въ рытьѣ могилы добывается каждый изъ мужчинъ, потому что за это часть грѣховъ прощается. Устройство могилы приравняется опять-таки къ постройкѣ для человѣка дома. Внутренность ея такая же, какъ и у насъ, но нѣкоторые изъ стариковъ завѣщаютъ, чтобы ихъ похоронили по старинному, т. е. чтобы у дна могилы, въ стѣнкѣ ея, была сдѣлана ниша ³²). Думаютъ, что при такомъ способѣ погребенія тѣло никогда не испортится.

Если при откапываніи могилы встрѣтятся кости ранѣе похо-

роненныхъ людей, то ихъ обливаютъ виномъ и снова закапываютъ ^{31а}). Умершихъ, принадлежащихъ къ одному семейству, стараются похоронить вмѣстѣ.

Когда принесутъ покойника на кладбище, то кладутъ рядомъ съ могилой, и священникъ читаетъ молитвы. На грудь кладется икона, которая будетъ зарыта вмѣстѣ съ гробомъ. Всѣ родственники прикладываются къ ней. Затѣмъ лицо покойника прикрывается бумагой, а все тѣло вмѣстѣ съ головой—полотномъ ^{32а}) и на длинныхъ полотенцахъ опускается въ могилу. Тѣ гагаузы, которые бывають на поклоненіи въ Кіевѣ и на Афонѣ, привозятъ оттуда своимъ родственникамъ въ видѣ подарка кисейныя покрывала съ нарисованной на нихъ иконой, и тогда вмѣсто обыкновеннаго полотна накрываютъ ими покойника. Отецъ семейства старается запастись такими покрывалами для всѣхъ членовъ своего семейства. У богатыхъ людей передъ накрываніемъ полотномъ на руки покойнаго кладется крестъ, сдѣланный изъ двухъ восковыхъ свѣчей, на пересѣченіи которыхъ прилѣпляется серебряная монета. Возлѣ вырытой могилы готовится обыкновенно бутылка съ виномъ. Священникъ беретъ ее и поливаетъ холстъ, которымъ покрытъ покойникъ, крестообразно вдоль и поперекъ тѣла. Послѣ того два человѣка спускаются въ могилу и накрываютъ гробъ крышкой.

Затѣмъ слѣдуетъ обрядъ печатанія покойника, которому придается особенно важное значеніе. Заключается онъ въ томъ, что священникъ беретъ въ руки заступъ и ставитъ имъ кресты по четыремъ сторонамъ могилы. Думаютъ, что послѣ исполненія этого обряда, покойникъ уже не можетъ выходить изъ могилы и дѣлаться Хобуромъ (вампиромъ) ³³).

Землю для зарыванія берутъ прежде всего ближайшіе родственники покойнаго обѣими руками въ пригоршню, дышутъ на нее и кидаютъ въ могилу, при чемъ повторяютъ этотъ пріемъ до трехъ разъ ³⁴). Могила закапывается землею съ такою поспѣшностью, какъ будто бы боялись, что покойникъ сію минуту выскочитъ изъ нея ^{34а}). При этомъ стараются однако, чтобы впопыхахъ не задѣтъ какъ-нибудь нечаянно лопатою священника, а то онъ тогда въ скоромъ времени помереть.

„Дал“ послѣ похоронъ сажаютъ на могилу, если онъ съ корнемъ и не сухой, но если дѣло происходитъ зимой и вѣтка „дала“

корня не имѣть, то ее временно втыкаютъ въ землю съ тѣмъ, чтобы, при первой возможности, замѣнить свѣжей. Лакомства съ „дала“ снимаются и тутъ же раздаются присутствующимъ, а платье покойнаго, висѣвшее на немъ, отдають донашивать бѣднымъ сиротамъ для того, чтобы онѣ были счастливы. Жерди, на которыхъ несутъ гробъ, кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу.

Копавшіе могилу возвращаются съ кладбища, неся лопаты непрѣмѣнно остриемъ внизъ. Придя домой, они моютъ руки надъ этими лопатами ³⁵⁾.

Насыпи на могилахъ или вовсе не дѣлаются, или очень малыхъ размѣровъ. Надгробные памятники ставятся обязательно, но самые разнообразныя. Въ Бешали мнѣ случилось видѣть старое заброшенное кладбище, находившееся за селомъ и ничѣмъ не огороженное. На немъ въ головахъ каждой могилы помѣщались зарытые стоймя небольшіе, необдѣланные камни разныхъ формъ и величинъ. На новомъ теперешнемъ кладбищѣ самая старая могила окружена оваломъ изъ такихъ же вертикально поставленныхъ камней, но уже въ нѣкоторомъ порядкѣ ³⁶⁾. Самые обыкновенные современные памятники дѣлаются изъ досокъ или брусьевъ. Быть можетъ, что они существовали и прежде, но не сохранились на старомъ кладбищѣ вслѣдствіе ихъ непрочности и весьма незначительной величины, хотя ихъ и называютъ „круча“ (крестъ), но съ крестомъ они имѣютъ очень мало общаго. Дѣлаются такіе памятники изъ досокъ шириною дюйма 4—5, толщиною дюйма въ 2, а длиною въ 1½—2 аршина. Зарытые вертикально въ землю, они поднимаются не больше аршина надъ нею, при чемъ верхняя часть ихъ украшается весьма разнообразными вырѣзками и зарубками (фиг. 1, № 24—29) ³⁷⁾.

Въ этого рода памятникахъ замѣчательно то, что они непременно должны указывать на полъ похороненнаго, при чемъ мужскіе (фиг. 1, №№ 24, 25 и 26) оканчиваются сверху горизонтальной плоскостью, а женскіе—(фиг. 1, №№ 28 и 29) закруглены. Насколько мнѣ удалось замѣтить, памятники съ такими отличіями по поламъ встрѣчаются только у гагаузовъ. Въ молдаванскомъ селѣ на кладбищѣ вовсе нельзя было различить, гдѣ похоронены мужчины, а гдѣ женщины. А у болгаръ въ с. Кирютня, по словамъ мѣстнаго духовенства, разницу между полами можно замѣтить только по черточкамъ, начерченнымъ на памятникѣ ³⁸⁾.